

М. Известия, 11/х 1925г.

Глазунов для русской музыки — целая эпоха. Много лет и много имен вступают делают наше время от того момента, когда впервые на музыкальном горизонте появилась фигура молодого, необычайно даровитого «Саши Глазунова», как именovali его тогда, сразу дебютировавшего симфонией. Этот дебют был не случайным. Симфонистом Глазунов вошел в музыкальный мир, в качестве симфониста же он входит и в музыкальную историю.

Его громадное значение было именно в утверждении симфонизма в русской музыке, в утверждении мастерства. Русская музыка родилась в пленках дилетантизма. Пусть, правда, это был гениальный дилетантизм, но это не мешало ему все-таки оставаться дилетантизмом. В русской музыке того времени не хватало симфонического захвата, она, возникавшая все-таки из европейской, не была связана достаточно тесными узлами с европейской традицией мастерства. Глазунов родился с каким-то предопределенным уклоном дарования к тому, чтобы стать большим мастером музыки. И мы видим его мастерство уже в самых ранних его сочинениях. Какая-то необыкновенная свобода полифонии, уверенность в многоголосии, которого до тех пор определенно чуждалась русская музыка, возникавшая из песни и упорно державшаяся песенного склада, — вот что необычайно импонирует сразу в молодом авторе. Глазунов был встречен, как новатор, его сочли революционером и в гармонии, и в стиле, и в стремлении к традиционному; он казался совершенно необычайным в насыщенности своего музыкального письма в то время, когда Вагнер и поствагнеровская музыка оставались совершенно еще вне круга зрения даже музыкальных сфер.

Его музыка казалась «вагнеризмом», что уже было синонимом — «крайности». Я помню отзыв одного крупного музыканта (В. Сафонова), который говорил в то время, когда только-что появлялось «Море» Глазунова, что «Глазунов — хоть глазу нов, да уху дин». Следовательно, в восприятии его творчества современниками, даже выдающимися музыкантами, несомненно, присутствовал момент удивления перед новизной, необычайностью и даже как бы «неприемлемостью» этой музыки.

Однако, мнение современников, как часто бывает, отличалось известной широтой перспективы. Именно Глазунов менее всего был когда бы то ни было «уху дин», оставался «глазу новым». Именно необычайным умением самое сложное в смысле музыкальной ткани высказать с наибольшей гармоничностью, с наибольшей чистотой звуковой, а бы сказал, красотой Глазунов отличается от других авторов. В его музыке нет никогда ничего резкого, режущего — все стройно, гармонично и благородно. Это вызывает на сравнение его музыки с архитектурой. Какая-то архитектурность присуща вообще музыкальному темпераменту Глазунова: это звуковой водичей, уравновешенный и спокойный строитель звуковых храмов, и самое впечатление от его музыки — архитектурное, как бы впечатление, или, если угодно, «сверхэмоциональное». Его звуковые строения сложны, массивны и величественны, но он в них не поселит живого человеческого духа и его колебаний, сомнений и терзаний. Несомненно, что новаторское впечатление от его первых сочинений у нас в России было вызвано главным образом массивностью, сложностью его полифонии и, главное, необычайностью для нас этого спокойного, сложного и внешне эмоционального мастерства. Это архитектурное спокойствие все время развивается в его творчестве. Он склонен к напруге торжественной грандиозности, лучезарности, иногда мрачной красоты, иногда спокойного, не зараженного никакой остротой эмоции лиризма. Его мелодические линии, широкие и свежие, исполнены статической красоты, сами собою как-то складываются в контрастную ткань, рождая собой многочисленные подголоски, и самая сложная такая ткань звучит у него просто и ясно, как будто нет в ней ничего особенного. Сейчас нам легче оценивать творчество Глазунова именно потому, что он со сво-

А. Глазунов

им стилем уже вполне историчен: после него и при нем были в музыке многие сдвиги, многие изменения вкусовых установок, — а он все время оставался так же неподвижен, как архитектурный колосс среди изменяющейся природы, живой и неустойчивой. Из него брали силы и художественные установки очень многие, и много направлений, его опирающихся, родились из него и ему обязаны. В плечах молодых авторов, сгруппировавшихся вокруг Беляевского кружка (который в сущности был «кружком Глазунова»), он был настоящим водителем вкуса.

Несомненно, что Глазунов создал школу, и что школа эта велика и обширна: мы видим его воздействие на нашу живую современность.

Глазунов, это — слияние истории русской музыки, центра ее развития, свидетель и создатель блистательнейшей эпохи ее жизни. И живые оказались и созданные им симфонические миры, его восемь симфоний, в которых, надо полагать, все-таки центр его творчества. Все остальное творчество Глазунова обращено в тона симфонизма, даже когда он берется за области, казалось бы, совершенно чуждые симфонии. Его балеты, в которых он создал так много прекрасного, являются такими же симфоническими фрагментами, и лучшие моменты их — именно длительные симфонические эпизоды. Его «симфонические картины», которым он, следуя первому времени общему ритму музыкальных вкусов, отдал большую дань, — тоже представляют как бы постепенный путь к чистой симфонии, как бы постепенное освобождение музыки от явной и скрытой программности. Если мы исторически посмотрим на Глазунова, то первое, что нам бросается в глаза, это — его противоположность всему тому, что до него вдохновляло и открывало русскую музыку. Глазунов — в сущности антипод «могучей кучки». Лозунгами Римского-Корсакова, Бородина, Мусоргского были — «национальность», свобода, программность, культ колорита, культ оперы, в которой видели высшую форму музыки, презрение к Западу и его мастерству. И Глазунов точнейшим образом осуществляет в своем творчестве негатив этого лозунга: его музыка, впервые в России, почти строго интернациональна, он призывает на художественную помощь традиция западноевропейского полифонизма, он уничтожает программность, говорит для него не представляет интереса — эти архитектурные глыбы и линии вовсе не требуют раскраски в цвета, — опера его вовсе не интересует, а в симфонии он видит высшую форму музыкального воплощения, он входит в русскую музыку западное мастерство, и с такой убедительностью, что после него возврат к старому дилетантизму становится уже просто невозможным. В этой негативности сила Глазунова, и в этом же и его огромное историческое значение некоторого могучего, уравновешивающего фактора, который сбалансировал в мировой перспективе некоторые слишком односторонние уклоны русского искусства. Глазунов принадлежит уже истории и

вышел в нее, как крупная, истинная фигура. Последние время его присутствия при факте молчания его творчества. Вызвало ли это обстоятельство сознанием этой историчности или имеет более личные психологические мотивы, — мы не знаем. Но мы вполне убеждены, что Глазунов, если и не может нам дать теперь чего-то совершенно необычного, нового для него, — это было бы странным явлением, — то, несомненно, он может вполне дать еще немало образцов творений в пределах своего уже созданного им стиля. Те годы, которые предшествовали его молчанию, не были годами упадка творчества ни в каком смысле. Напротив, в это время появились наиболее цельные и величественные его произведения: его восьмая симфония, его музыка к «Саломее». Мы думаем даже, что архитектурно-монументальный стиль музыки Глазунова чем-то чрезвычайно соизмерен нашей монументальной современности, быть может, более созвучен, чем искания индивидуалистической эмоциональности. И мы решаемся выразить надежду, что молчание великого композитора есть только пауза, вызванная событиями, еще не успевшими откристаллизоваться в художественный стимул, что грядущий скоро момент, когда он вновь заговорит, и мы будем вновь свидетелями нового подъема его творчества, уже освещенного и преображенного глубокими переживаниями нашей ары.

Л. САБАНЕЕВ.

60-летие А. К. Глазунова.

(Юбилейное торжество в ленинградской филармонии).

М. Известия, 10/х 1925г.
60-летие композитора Академическая филармония отметила торжественным концертом из произведений юбиляра под его управлением.

Собрался весь музыкальный мир Ленинграда.

Появление композитора за дирижерским пультом приветствуется рукоплесканиями всего зала.

Концерт начинается исполнением пятой симфонии, лучшей симфонии юбиляра.

После симфонии — приветствия. Директор Аппаратной и Аккапеллы М. Г. Климов назвал юбиляра в прекрасном адресе «почетным старостой русской музыки».

Директор консерватории А. В. Оссовский отметил, что «в Глазунове — вся консерватория», что он такой же для нее символ, каким некогда был А. Г. Рубинштейн, а затем Н. А. Римский-Корсаков. «Ты — наша любовь», — закончил Оссовский при общих рукоплесканиях свою речь.

Заслуженный артист П. З. Андреев говорил от артистов Академической оперы, закончив поклоном «великому мастеру».

Пылко и ярко сказал представитель консерваторского ученического комсомольского коллектива тов. Городицкий, подчеркнувший новые элементы в глазуновской деятельности и творчестве, на которые сочувственно реагирует молодежь.

А. К.